

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: СУЩНОСТЬ И СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Предметом анализа в статье является понятие «идеальный тип» в экономической теории. Показана роль процедур идеализации, абстрагирования и конструирования в формировании теоретической модели «homo economicus». Особое внимание уделяется демаркации теоретической модели человека и образа человека в экономической теории.

Ключевые слова: идеальный тип, теоретический конструкт, идеализация, абстрагирование.

В последние несколько десятилетий в экономической теории широко представлена теоретическая модель, получившая распространение в ряде неэкономических областей, преимущественно политике и праве. Практически это означает перенос сугубо экономического инструментария на сферы, на первый взгляд далеко отстоящие от экономики – политический выбор, например, борьбу с преступностью и т. п. В литературе этот процесс характеризуют как экспансию экономического анализа на традиционно неэкономические сферы человеческой жизнедеятельности. С нашей точки зрения, достаточно показательные достижения так называемого «экономического империализма» нельзя связывать только с успешным развитием экономической теории. Проблема, видимо, существенно глубже и связана с трансформациями современного общества. Если М. Вебер в свое время диагностировал прогрессирующую «рационализацию» мира, то сейчас представляется обоснованным говорить о его всепоглощающей «экономизации». По сути, это означает, что большинство отношений, в которые вступает человек в процессе своей жизнедеятельности, регулируются закономерностями, сходными с экономическими.

Отмечая достаточно большое количество работ, так или иначе касающихся обозначенной выше проблематики, приходится констатировать, что методологическая сторона происходящего процесса еще не в полной мере осмыслена. Хотя, конечно, сделано много. В том числе и в отечественной философии экономики. В этой связи следует выделить инспирирующие работы таких специалистов, как В.С. Автономов [1], Н.М. Кизилова [2], Ю.М. Осипов, А.Н. Сорочайкин [3], Л.Л. Тутов, В.П. Филатов [4]. Отдавая дань уважения этим авторам, нельзя не упомянуть и работы представителей самарской методологической школы – В.Н. Борисова [5] и В.Н. Духанина [6]. Именно в их трудах, по моему мнению, впервые в отечественной методологии науки были поставлены вопросы о своеобразии теоретических средств экономической науки.

Является тривиальным суждение, что каждая наука имеет определенные теоретические границы, определяемые особенностями ее предмета. Именно в силу этих обстоятельств изучение человека во всем многообразии его физических, духовных и психологических свойств не относится к сфере компетенции экономической науки.

* ©Шестаков А.А., 2012

Шестаков Александр Алексеевич (ShestakovAlex@yandex.ru), кафедра философии естественных факультетов Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

В ней конструкция «экономический человек» представляет собой такую теоретическую модель индивида, из которой элиминированы все его психологические и духовные характеристики и качества, не имеющие прямого отношения к экономической деятельности. Итак, рубрикация «человек экономический» является результатом редукции человеческого поведения к рациональной целесообразной деятельности, самих условий и обстоятельств этого поведения — к наличию ограниченных экономических ресурсов, а его мотивов — к нацеленности на извлечение максимума полезности из данных условий. Другими словами, «человек экономический» — это *идеализация*, продукт моделирования человеческого поведения в ситуации с сослагательной модальностью «*als ob*»: как если бы в своем повседневном существовании человек действовал *исключительно* под влиянием экономического принципа, преследуя *только* экономический интерес и не считаясь со всеми прочими мотивами и интересами.

Справедливости ради подчеркнем, что представители экономической науки вполне отдают себе отчет в условности собственных теоретических положений, их, по преимуществу, методологическом характере, отнюдь не претендующем на буквальное описание реальности. Так, по авторитетному мнению Л. фон Мизеса, абсолютно рациональное человеческое поведение было бы возможно только в условиях совершенного рынка. Именно поэтому, если соответствующая антропологическая модель в отдельных случаях не работает, это означает лишь несовершенство самого рынка, искажающее влияние на него определенных внешних факторов [7, с. 33–42]. Иными словами, конструкция «экономический человек» требует в качестве условия собственного существования столь же совершенного и прозрачного рыночного механизма. Идеальный, предельно рационально устроенный рынок и «экономический человек» — коррелирующие понятия; и то и другое оказываются по одну сторону оппозиции «теория — действительность», а именно — на стороне теоретических конструкций и идеализаций. Поскольку идеальный рынок во всей своей прозрачности в принципе недостижим, то и от модели «экономического человека» вовсе не следует ожидать описания *индивидуальных* эмпирических процессов человеческого выбора и принятия решений. Идеальное рыночное устройство оказывается невозможным в силу ряда объективных обстоятельств — влияния иррациональных человеческих страстей на хозяйственную деятельность, особенностей менталитета, национального своеобразия экономики того или иного государства, специфики экономической культуры и т. п. Итак, теоретический конструкт «экономический человек» — это предельно общее изображение идеального экономического поведения в ситуации «*als ob*».

Говоря обобщенно, процедура идеализации в качестве важнейшей составляющей научного исследования имеет в виду прежде всего логические и онтологические *основания* того или иного феномена, а не собственно описание его *фактического* состояния. Так, к примеру, Дж. Ролз вполне в кантовском духе описывает предельные основания и необходимые условия, при соблюдении которых возможна экономическая справедливость [см.: 8]. Вполне естественно, что при этом ученый вынужден абстрагироваться от наличного политического и исторического контекста экономических процессов, поскольку они в данном случае относятся к привходящим обстоятельствам, способным исказить теорию. Как видим, современный мыслитель всего лишь выстраивает своеобразные фундаментальные матрицы экономической деятельности, что же касается конкретного их содержательного наполнения, то оно значительно сложнее и многообразнее, нежели любые теоретические построения. И данное обстоятельство вовсе не свидетельствует о какой-то ущербности научного исследования — оно всего лишь задает ему необходимые границы.

Тот факт, что ученый-экономист (как, впрочем, исследователь и в любой иной сфере) в поисках своих истин не должен лишь протоколировать и бесконечно описы-

вать неисчислимо количество разнообразных агентов экономической деятельности, представляется самоочевидным. Мотивы, нормы и ценности, которыми люди руководствуются в хозяйственных взаимодействиях во всем их эмпирическом разнообразии, также не составляют предмета изучения экономиста. Именно поэтому в экономическом исследовании уместными оказываются обобщающие методы и процедуры — *идеализация, конструирование и абстрагирование*. Посредством этих методов ученый редуцирует все имеющееся многообразие к общезначимым понятиям и сущностям, которые, будучи инвариантными формами реальности, остаются независимыми от фактических случайных отклонений.

Частным случаем применения таких процедур может быть предельный *тип* определенной совокупности явлений, некое смысловое «ядро», которое не существует в реальности, но вокруг которого, как подле своей орбиты, «вращаются» реальные явления, приближаясь к нему в той или иной степени. Такие понятийные конструкции экономической теории, как «совершенный рынок» или «плановое хозяйство», могут служить показательными примерами такого рода типов. Эти понятия обозначают определенные *тенденции* развития, к которым тяготеют экономические реалии. Подтверждением методологической необходимости выделения таких абстрактных типов может служить показательное рассуждение одного из лидеров неоавстрийской школы М. Ротбарда. Этот известный ученый выводит все многообразие экономических ситуаций из противостояния двух политических систем — рыночной и государственно-деспотической. По сути, он задается вопросом: можно ли редуцировать реальные политико-экономические отношения к простым схемам? В самом деле, никто же не будет отрицать того факта, что данная процедура в серьезной степени упрощает политические институты. Все это, конечно, так. Но для анализа реальных образцов их для начала надо разделить на противоположные составляющие [см.: 9, с. 399–400].

Приведенная выше интерпретация рассуждений М. Ротбарда позволяет заключить, что сугубо буквальное, натуралистическое истолкование указанных выше предельных понятий приводит к серьезным аберрациям. И вот почему: если понимать, к примеру, «совершенный рынок» или «абсолютную деспотию» как эмпирические понятия, описывающие реалии экономической жизни, то придется ограничиться ситуацией товарных отношений двух бедолаг на необитаемом острове, к которой единственно такие понятия и будут приложимы, то есть опять же искусственно смоделированной ситуацией. Вот что по этому поводу можно прочесть у М. Ротбарда: «На острове, где обитают Робинзон Крузо и Пятница, существуют два основных типа межличностных отношений или обменов: добровольный и принудительный (или деспотический). Не существует других чистых типов социальных отношений. Всякий раз, как происходит акт добровольного обмена, проявляется действие рыночного принципа; всякий раз, как обмен происходит по принуждению, проявляется действие деспотического принципа. Все переходные формы образуются смешением этих двух элементов» [9, с. 400]. При анализе приведенного выше сюжета важно отметить, что все эмпирически наблюдаемые формы экономической жизни современный теоретик помещает в пространстве между предельными понятиями. Эти последние, в свою очередь, выполняют объяснительную функцию по отношению к любой эмпирической экономической ситуации.

Итак, вряд ли приходится сомневаться в эвристической плодотворности использования процедуры идеализации в экономическом исследовании. Зададимся вопросом в развитие этого тезиса: можно ли истолковать модель «*homo economicus*» как «идеальный тип». Этот широко используемый в современных социальных науках конструкт обладает серьезным эвристическим потенциалом. Его автор, Макс Вебер, под идеальным типом понимал определенную логическую конструкцию, обладающую внутрен-

ними смысловыми связями. Вот показательная выписка из концептуальной работы М. Вебера «Объективность» социально-научного и социально-политического познания»: «Он создается посредством одностороннего усиления одной или нескольких точек зрения и соединения диффузно и дискретно существующих *единичных* явлений, которые соответствуют тем односторонне выделенным точкам зрения и складываются в единый мысленный образ. В реальной действительности такой мысленный образ в его понятийной чистоте нигде эмпирически не обнаруживается; это — *утопия*» [10, с. 389–390]. Что же касается специфических задач научного исследования, которое будет оперировать этими теоретическими средствами, то известный ученый видит их в том, «...чтобы установить в каждом отдельном случае, насколько действительность близка такому мысленному образу или далека от него...», иначе говоря, в какой степени реальные, эмпирически наблюдаемые социально-экономические процессы соответствуют *сконструированному* общему понятию [10, с. 390].

Следует обратить внимание, что в своих рассуждениях известный ученый выделяет две стороны, которые формируют базовые идеализации, конструкты социальных наук. Во-первых, это концептуальная составляющая любой теории, в которой в соответствии с заданными целями исследования предельно гиперболизируются отдельные аспекты рассматриваемого явления (в приведенной выше цитате Вебера это звучит как «одностороннее усиление одной или нескольких точек зрения»). Естественно, что в итоге выделенные аспекты предстают в гиперболизированном, однако именно потому и наиболее рельефном, *логически предельном* виде. Понятно, что в таком виде они не существуют в реальной действительности, и, кроме того, целый ряд аспектов рассматриваемого явления, которые в данной исследовательской задаче не составляют предмет интереса, по необходимости отойдут на второй план. Во-вторых, на стороне самих реальных явлений исследователь также производит некоторую селекцию. Те явления, которые соответствуют выделенным в понятии аспектам, перегруппировываются и объединяются на этой новой основе (в терминологии Вебера, «складываются в единый мысленный образ»). Такая перегруппировка необходима, поскольку в реальном феномене интересующие исследователя аспекты либо могут казаться никак не связанными друг с другом (у Вебера — «дискретно существующие»), либо будут смешаны и переплетены до полной неразличимости (у Вебера — «диффузно существующие»).

Вообще говоря, такая селекция *понятийных* аспектов и *реальных* сторон изучаемого предмета — необходимое условие концептуального прояснения любого эмпирического явления. Можно утверждать, что только в таком случае теория обретает необходимую объяснительную силу для реальных явлений, в противном же случае исследователь будет обречен лишь на пассивную регистрацию и протоколирование фактов, не имея возможности перейти на качественно новый уровень понимания — уровень обобщения и концептуализации. В работах М. Вебера можно обнаружить множество примеров идеальных типов, которыми оперирует социальная теория: «социальное действие», «капиталистический предприниматель», «бюрократическое управление», «харизматическая власть» и т. д.

Изложенное выше позволяет заключить, что в основании современной экономической теории покоится принцип инструментализма, в соответствии с которым от теоретической модели вовсе не требуется буквального копирования действительности. Ее главная задача — стать удобным и понятным инструментом для объяснения определенных феноменов. Вот что по этому поводу пишет В.С. Автономов: «...модель человека в экономической науке <...> есть изолирующая абстракция этого поведения, заостряющая его специфические черты. Можно говорить о том, насколько хорошо та или иная модель описывает и предсказывает реальное человеческое поведение, но отождествлять ее с конкретным поведением, на наш взгляд, неправомерно» [1, с. 47].

В завершение отметим, что в литературе прослеживаются две тенденции в интерпретации методологического статуса «homo economicus». Речь идет о различных интерпретациях этого конструкта, которые зачастую смешиваются. Первая тенденция предполагает истолкование названного концепта в представленном в данной статье смысле, то есть в виде *теоретической модели*, суммы антропологических предпосылок и допущений, взятых в их предельном виде. Другими словами, речь идет о homo economicus как *научной идеализации*. Во втором же случае рассуждают о «homo economicus» как некоем типе личности, с соответствующим способом поведения, специфическими способностями, склонностями и ценностными предпочтениями. В этом контексте становятся понятными отсылки сторонников такого варианта истолкования на исследования в области психологии личности.

В целом обозначенные выше интерпретации можно различать как экономическую *модель* человека и *образ* человека в экономической теории. Они относятся друг к другу как концептуальное понятие к его эмпирической реализации. В силу этих обстоятельств различаются их логический и онтологический статусы. В этом плане «homo economicus» как *тип* личности — результат описания наблюдаемой реальности, в качестве же теоретического *конструкта* он выступает как результат логического обобщения и научного абстрагирования. Вполне естественно, что смешение этих двух понятий, использование одного вместо другого может грозить исследователю серьезными трудностями и приводит к противоречиям. В частности, некритическое смешение названных аспектов порождает массу критических выпадов против современного экономического человека как теоретической конструкции, каковой, собственно, и является рассмотренная нами модель, — ей приписываются психологические качества людей в их повседневной жизни.

Библиографический список

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экон. шк. и др., 1998. 229 с.
2. Кизилова Н.М. Человек и экономический порядок: философия экономики в понимании социальных процессов. М.: Изд-во Московского ун-та, 2005. 184 с.
3. Сорочайкин А.Н. Homo economicus: антропологические предпосылки и эпистемологические допущения экономических теорий. Самара: Офорт, 2009. 352 с.
4. Филатов В.П. Антропологические предпосылки экономической теории и проблема рациональности // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2003. № 4. С. 85–92.
5. Борисов В.Н., Духанин В.Н. Формирование научного знания в социально-экономическом исследовании (проблемы методологии научного познания). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1974. 160 с.
6. Духанин В.Н. Абстрактные объекты и механизмы образования научного знания // Методологические проблемы науки и культуры. Вып. 2. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского ун-та, 1977. С. 18–29.
7. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000. 875 с.
8. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. 535 с.
9. Ротбард М. Власть и рынок. Государство и экономика. Челябинск, 2003. 415 с.
10. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избр. пр. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.

*A.A. Shestakov**

**THEORETICAL CONSTRUCTS IN THE ECONOMIC THEORY:
ESSENCE AND WAYS OF FORMATION**

The subject of analysis in the article is the concept «ideal type» in the economic theory. The role of procedures of idealization, abstraction and designing in the formation of theoretical model of «homo economicus» is shown. The special attention is given to demarcation of theoretical *model* of the person and the *image* of the person in the economic theory.

Key words: ideal type, theoretical construct, idealization, abstraction.

* *Shestakov Alexander Alexeevich* (ShestakovAlex@yandex.ru), the Dept. of Philosophy of Natural Science Faculties, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.